

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Алиев И.

**ПРОФЕССОР
ЕВЛАМПИЙ АНДРЕЕВЧ
БУДРИН**

Православный собеседник, 2005,
вып. 2 (10), с. 36-48

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Казанская духовная семинария
www.kazds.ru

Москва, 2014

Профессор Евлампий Андреевч Будрин

И.АЛИЕВ

3 марта 2004 года исполнилось 85 лет со дня смерти одного из замечательных преподавателей Казанской духовной академии, профессора, ученого-богослова Евлампия Андреевича Будрина. Незаслуженно забытое имя этого скромного и талантливого человека должно по праву занять подобающее место в историческом обозрении деятельности профессорского состава Казанской духовной академии.

Рождение ребенка в семье раньше всегда воспринималось как праздник, а уж появление на свет сына было праздничным вдвойне. Такую двойную радость принес 1842 год в семью бедного пермского священника Андрея Будрина. Нарекли сына по святцам Евлампием. Истинно верующая семья дала и соответствующее воспитание сыну. Рос он любознательным мальчиком. Выучившись читать, постоянно обращался к священным книгам, которые были в доме. В церковно-приходской школе он был первым учеником. Радости отца не было предела, когда Евлампий после окончания школы изъявил желание продолжить учение в Пермской духовной семинарии. За шесть лет учебы в семинарии, с 1856 года по 1862 год, он изучает богословие, философию, математику и словесность, а также языки – латинский, греческий и французский. В это время он много читает, и не только богословскую литературу, но и труды греческих и римских философов. Молодой семинарист удивлял широтой своих познаний не только преподавателей в Перми, но и строгих экзаменаторов при поступлении в 1862 году в Казанскую Духовную академию. Успешно выдержав все экзамены, он был зачислен студентом XI курса, так как в Духовной академии каждый выпуск студента имел свой порядковый номер и назывался курсом. Пытливость ума, любознательность и широта познаний выделяли Евлампия Будрина среди сокурсников.

Павел Васильевич Знаменский в своем фундаментальном труде «История Казанской духовной академии» неоднократно упоминает о Е.А.Будрине. Так, во времена, когда ректором академии стал архимандрит Иннокентий, его мелочные придирки и разные нравственные недочеты привели к тому, что студенты просто перестали его уважать и смотрели на него свысока. В одном

из таких случаев главным действующим лицом оказался Евлампий Будрин. Вот как П.В.Знаменский упоминает о нем в своей книге:

«Издевательство над ректором, и притом письменное, доходило иногда до невероятных размеров. В том же журнале дежурных старших от 13 марта 1864 года встречаем такие вещи. Один студент, А.Смирнов, был записан уволенным к богослужению в Казанский девичий монастырь. Ректор заметил на это: «На Руси нет девичьих монастырей, а существуют ли они вне ее, мне неизвестно», – и поправил в записи вместо «девичий» – «женский». Чередной старший Е.Будрин вступил с ним в полемику, приводя аргументы, что называется, «ad hominem», так как ректор слыл великим любителем Свода законов: «На замечание Его Высокопреподобия и.о.ректора честь имею ответить, что выражение «девичий монастырь» мною употреблено на основании Свода законов, где часто упоминается о девичьих монастырях, например – ряд цитат». «А что касается до Казанского монастыря, то в указе Св.Синода № такой-то о помещении Казанского девичьего монастыря в первый класс прямо говорится: по уважении знаменитости Казанского Богородице-девичьего монастыря Мы всемилостивейше повелеваем и проч... основываясь на этом, я считал себя не вправе изменять выражения». Ректор со своей стороны написал такую отповедь: «Означенным замечанием своим я отнюдь не имел в виду укорять или иначе как-нибудь сказать, – дежурного старшего г-на Будрина в незнании законов о девичьих монастырях, а хотел остановить его и с его соизволения и прочих студентов Казанской духовной академии внимание на том, что русская церковь находится *in statu dio*». Что этим он хотел выразить, осталось неизвестным никому».

Успешно завершив весь академический курс, Евлампий Будрин по праву получает звание первого магистра и направление для дальнейшей службы в родную уже Пермскую семинарию, где в те годы катастрофически не хватало преподавателей. Уже в январе 1867 года 25-летний выпускник академии назначается наставником по классу церковной истории, а через месяц переводится из этого класса в класс преподавания догматики, наверное, один из сложнейших в богословии. Он так и преподавал по этому классу вплоть до ухода из семинарии. Молодого, хорошо образованного преподавателя быстро полюбили все другие преподаватели. Евлампий, как воспитанник этого учебного заведения, хотел, чтобы его ученики узнали как можно больше, поэтому по просьбе руководства семинарии он еще преподавал нравственное богословие, церковную и библейскую историю,

еврейский и греческий языки. Общим собранием семинарского правления он единогласно был избран членом педагогического собрания.

Со стороны Святейшего Синода регулярно устраивались проверки качества преподавания в духовных семинариях. Так, в 1869 году ревизовал Пермскую Духовную Семинарию член духовно-учебного комитета С.В.Керский, который за отличное преподавание ходатайствовал о награждении Евлампия Андреевича Будрина орденом Св.Анны 3-й степени. Это была первая награда сына бедного пермского священника, заслуженная им упорным трудом и незаурядными познаниями. Стоит только удивляться тому, что при такой занятости Е.А.Будрин находил время писать богословские и исторические статьи и печатать их в «Пермских епархиальных ведомостях». Ученое достоинство этих трудов высоко оценила академическая корпорация и архиепископ Казанский, и все это послужило ходатайству со стороны последнего перед Святейшим Синодом и переводу Евлампия Андреевича для преподавания в Казанскую Духовную академию.

Процитируем опять П.В. Знаменского:

«Мы видели, что с начала 1869-1870 учебного года ректор Никанор, кроме основного богословия, должен был преподавать еще догматику, кафедра которой после архимандрита Владимира долго оставалась незамещенной... Весной 1870 года он оставил преподавание догматики за приисканием на ее кафедру штатного преподавателя.

Вопрос о замещении ее поднят был в конце 1869 г. Так как новый академический устав в это время был уже опубликован, то, по силе его требований, вакансия по этой кафедре была пущена на конкурс. 22 декабря кандидатом на нее выступил наставник пермской семинарии Евлампий Андреевич Будрин, и был признан достойным определения на нее.

Он был из студентов казанской духовной академии XI курса. До академии, как пермяк (сын священника Пермской епархии, род. в 1842 г.), учился в пермской семинарии, в нее же поступил и на службу по окончании

академического курса в 1866 г., назначенный от 5 января 1867 г. наставником по классу церковной истории. В феврале 1869 г. он был переведен с этого класса на класс догматики, которую и преподавал затем до самого перехода в академию. О достоинствах его, которые имелись в виду при его избрании на академическую кафедру, правление академии подробно описало в представлении о нем преосвященному Антонию от 22 января 1870 г.; здесь было сказано, что он известен в академии еще со времени своего студенчества, что читал тот же предмет – догматику – и в семинарии и заслужил там одобрение как со стороны местного начальства, так и от ревизовавшего в 1868 г. пермскую семинарию члена духовно-учебного комитета С.В.Керского, что, наконец, успел уже ознаменовать свое непродолжительное служение дельными учеными трудами, каковы его статьи в Пермских епархиальных Ведомостях: О творении мира, О воскресении тел и Очерк Пермской епархии в 12 выпусках Ведомостей за 1869 г. от 5 февраля 1870 г. Он был утвержден на кафедре догматики и остался на ней и по преобразовании академии».

Вообще 1870 год в карьере Будрина был очень успешным: так, после реорганизации академии он становится сначала доцентом, а после опубликования в «Православном собеседнике» солидного труда «О Боге – Творце Мира» и с учетом отличного преподавания, возводится Советом академии в звание экстраординарного профессора.

Молодой ученый после своего возвращения в Казанскую Духовную академию долгое время снимает квартиру на Красной улице (ныне улица Жуковского) в доме купца, торговавшего золотыми и серебряными изделиями. Скромность в обыденной жизни, ограниченные запросы, увлечение наукой, публикация статей и приличный заработок преподавателя, очевидно, позволили скопить Евлампии Андреевичу определенный капитал. Наиболее выгодной в те времена считалась покупка недвижимости с последующей передачей ее в аренду. Так и поступил профессор Будрин, приобретя в 1872 году у Николая Николаевича Апехтина флигель из красного кирпича с пристроен и все дворовые постройки на Ново-Горшечной улице.

Случилось так, что в это же самое время по соседству в сторону Собачьего переулка продавала лавки и двухэтажный дом жена казанского купца

Михаила Мурзаева Ольгой. После осмотра флигеля Николая Николаевича Апехтина решил Евлампий Андреевич посмотреть и дом, принадлежавший Ольге Мурзаевой. Так состоялось первое знакомство Будрина с семьей Михаила Мурзаева, мужа Ольги и сына известного казанского купца первой гильдии Семена Борисовича Мурзаева, старостой кафедрального собора, торговавшего церковными и армейскими принадлежностями в Гостином дворе. Здесь впервые восьмилетняя Любовь Мурзаева увидела красивого молодого ученого, заронившего в ее еще детское сердце что-то непонятное, но светлое и радостное. Первое знакомство и покупка дома Евлампием переросли в дружественные длительные отношения, которые впоследствии переросли в родственные. Но об этом рассказ будет позднее. Даже после приобретения собственных двух домов Евлампий Андреевич продолжает квартировать у купца Рота на улице Красной, а свои дома сдает в аренду.

Трудолюбие и преданность научной деятельности способствуют дальнейшему успешному продвижению Е.А.Будрина по служебной лестнице. В 1876 года в ранге коллежского советника он награждается орденом Св.Станислава 2-й степени. Следующие четыре года помимо преподавательской деятельности отмечены изданием ряда научных и критических статей, которые также не остались незамеченными – следует очередная награда – орден Св.Анны 2-й степени и присвоение чина статского советника. Имея видное положение в Казанской Духовной академии и известность в высших кругах казанского общества, а также материальную обеспеченность, Евлампий Андреевич, достигший 41-летнего возраста, делает важный шаг в своей личной жизни.

Он обращается, как было положено тогда лицам, находящимся на службе у Святейшего Синода, к архиепископу Казанскому и Свияжскому, а также ректору Казанской Духовной академии за разрешением о вступлении в законный брак. Вскоре профессор Е.А.Будрин получает следующее свидетельство:

«Предъявителю сего экстраординарному профессору Казанской Духовной академии, магистру богословия, статскому советнику Евлампию Андреевичу Будрину согласно резолюции его Высокопреосвященства от 7 июня 1883 года за № 182, разрешается академическим начальством вступить в первый

законный брак с дочерью потомственного Почетного гражданина Михаила Мурзаева, девицею Любовью Мурзаевой».

Браки с такой разницей в возрасте и в те времена не были редкостью, но в данном случае именно взаимная любовь и уважение легли в основу вновь создаваемой семьи.

Бракосочетание молодых состоялось 29 июня 1883 года в Михайло-Архангельской церкви Казанской Духовной академии. Обряд произвел священник церкви Михаил Меньшиков. Все было торжественно и скромно. Глубину порядочности и честности Евлампия Андреевича характеризует один очень примечательный факт. Будучи глубоко верующим человеком, он считал, что слово, данное перед Богом при бракосочетании, является священным и нерушимым, намного высшим и обязующим, чем какие-то бумаги, фиксирующие этот союз. Поэтому оригинал «Метрической выписи» (по-нашему «Свидетельство о браке») так и остался в анналах архива Казанской Духовной академии.

Даже после свадьбы молодые не поселяются в своем собственном доме, а снимают квартиру в Академической слободе рядом с Духовной академией, в доме Пискунова. Это имело ряд определенных выгод – снимало много хлопот с молодой хозяйки, да и к природе ближе, т.к. Академическая слобода примыкала к лесу.

Семейная жизнь не помешала дальнейшему восхождению профессора Будрина к вершинам богословских наук и успешному заведованию кафедрой в академии.

Газета «Волжский вестник» от 23 мая 1893 года сообщала в разделе «Хроника», что ординарный «профессор Казанской духовной академии, статский советник Евлампий Будрин произведен за отличие в действительные статские советники.

Одновременно с высоким чином действительного статского советника в 1893 году он получает орден Св. Владимира 4-й степени. Некоторое время на него возлагаются обязанности инспектора академии. Сын бедного пермского священника, ученый-самородок, честным трудом добившийся всего этого в своей жизни, продолжает оставаться верным служению науке. В 1888 году в возрасте 46-ти лет он заканчивает самый значительный свой научный труд «Антитринитарий XVI века. Выпуск I. Михаил Сервет. Выпуск II. Фауст Социн», за который удостоивается звания доктора богословия.

Среди государственных служащих дореволюционной России и преподавателей образовательных учреждений (включая духовные) существовало правило: по достижении 25-летнего срока службы подавать прошение об отставке. Так, в феврале 1895 года, в возрасте 53-х лет, заслуженный ординарный профессор, доктор богословия, действительный статский советник, член Совета Правления Казанской Духовной академии, кавалер высших орденов Св. Владимира 4-й и 3-й степени Евлампий Андреевич Будрин подает прошение об отставке, которую приняли лишь в 1898 году. Но и после этого до 1900 года он числится сверхштатным преподавателем на кафедре догматического богословия и читает лекции, а с 1900 года по 1906 год преподает там же совершенно бесплатно. Советом Правления Казанской Духовной Академии Е.А.Будрин первым из профессоров пожизненно избирается почетным членом Совета Правления с правом решающего голоса.

Вторая половина XIX века в истории Казанской Духовной академии была замечательна тем, что она воспитала целую плеяду видных ученых – профессоров, к числу которых относится и Е.А.Будрин, способствовавших в дальнейшем становлению Казани как одного из лучших научных и культурных центров России.

В этот период жизни Евлампия Андреевича Будрина, а именно в 1901 году, произошел один интересный факт, характеризующий его как отзывчивого и душевного человека, ценившего нравственность и порядочность. Общественность Казани в марте-апреле того года была глубоко возмущена поступком одного из купцов средней руки по фамилии Александров. У него в прислугах работала молодая крестьянка, Ирина Артемьевна Крюкова. В полном соответствии с поговоркой «седина в бороду, бес в ребро», этот

Александров стал домогаться молодой прислуги, но получил «от ворот поворот», что, конечно, ему не понравилось. Тогда он обвиняет Крюкову в краже 16 оконных рам (это были старые рамы, оставшиеся после ремонта дома), которые сам не так давно подарил приезжавшему из деревни брату Крюковой. Дело дошло до суда, но еще ранее обо всем этом поведала казанскому обывателю газета «Казанский телеграф». В суде Ирина Крюкова защищала сама себя, отказавшись даже в бесплатной помощи добровольцев-присяжных поверенных. Суд, выслушав показания Крюковой, распорядился вызвать из деревни брата обвиняемой. Видя, что дело принимает нежелательный для него оборот, купец Александров в суд не явился, послав доверенное лицо. Вся общественность города была возмущена неприглядным поступком купца, который, поняв свой провал, взял свое заявление обратно. Но суд все же вынес свое постановление, полностью оправдав Ирину Артемьевну Крюкову. Бедная девушка осталась без работы, а, следовательно, и без средств к существованию. Вот в этот момент и пришел к ней на помощь Евлампий Андреевич, пригласив Крюкову на работу к себе в дом прислугой. Так и проработала эта честная и гордая женщина у них в семье до самого отъезда Будриных из Казани.

Отойдя полностью от дел в 1906 году, Евлампий Андреевич с семьей перебирается из Академической слободы в собственный дом на Ново-Горшечную улицу. Аренда дома с купцом-рыботорговцем не прерывается. Семья Будриных поселяется на втором этаже флигеля. Флигель, имевший на первом этаже целый ряд складов, подвал под всем домом и обширный погреб, идеальный для торговых дел, остается в аренде у рыботорговца. На втором этаже из светлого коридора с окнами в сторону горы, можно было войти в любую из шести комнат. Одна из комнат представляла зал, а три небольшие комнаты в конце коридора, отделенные дверью от остальной части его, были, очевидно, спальными комнатами. По всему второму этажу был произведен ремонт. К флигелю под углом в девяносто градусов примыкало еще одно строение, полукаменное, так тогда называли дома, где жилая часть была кирпичной, а коридор деревянным. В этом пристрое было три квартиры: две двухкомнатные и одна однокомнатная. Каждая квартира во дворе имела погреб и дровенник, а в коридоре – свой туалет и кладовку. В угловом помещении на первом этаже – вспомогательные помещения.

Евлампий Андреевич Будрин предложил жильцам пристроя поступить к нему в услужение. Так, семья в одной из двухкомнатных квартир была ранее в услужении у купца: жена убиралась, а муж топил печи, убирал двор и

исполнял обязанности кучера. Такую же работу им предложил и Будрин. В другой двухкомнатной квартире жил молодой пожарный (4-я пожарная часть находилась на горе недалеко от сегодняшнего «Дома шахмат») с женой. Его жене было предложено стать поварихой, т.к. только в этой квартире была большая русская печь. Однокомнатную квартиру заняла гувернантка, которая приехала вместе с семьей Будриных из Академической слободы.

По дошедшим до наших дней воспоминаниям людей, бывших в услужении у Будриных, они жили скромно, но в полном достатке. Как истинно верующие люди, регулярно посещали Богоявленскую церковь на Проломной улице. Евлампий Андреевич был очень интеллигентным, вежливым и спокойным человеком. Много работал в своей большой библиотеке. Любовь Михайловна была женщиной веселого нрава, простой в обращении со всеми. Летом вся семья снимала дачу за городом.

К этому времени старший сын Владимир закончил военное учебное заведение в Санкт-Петербурге, где и продолжал службу. В семье оставалась младшая дочь, учившаяся в одной из казанских гимназий. Размеренная и спокойная жизнь продолжалась до начала Первой мировой войны, которая внесла в жизнь людей не только тяготы военных лет, но и сопутствующие этому хаос и беспорядки.

Среди нотариальных дел окружного суда мне попала купчая от 7 июня 1916 года за № 1654, в которой значилось: «На основании 178 ч. 1 статьи положения о нотариусах имею честь уведомить Управление, что мною 7 июня утверждена купчая крепость на проданные действительным статским советником Евлампием Андреевичем Будриным казанскому мещанину Ивану Лаврентьевичу Вшивцеву дворового места земли с каменным двухэтажным домом с каменным флигелем, всеми строениями при нем, мерою: с лика по поперечнику по Ново-Горшечной улице – 22 сажени, в глубину двора – 17 сажень, в задах – 17 сажень, состоящие в 4 части города Казани, близ Рыбной площади в переулке к выезду на гору в Ново-Горшечную улицу, ценою 23400 рублей». Документ этот подписал старший нотариус.

Во всех печатных изданиях о Казанской духовной академии и ее профессорах, появившихся после развала Советского Союза, при упоминании о Евлампии Андреевиче Будрине, указывали лишь год его рождения, оставляя под вопросом год его смерти, ввиду выезда его за пределы Казани. Да и упоминания эти были короткими и поверхностными. Автору этого очерка хотелось бы не только полнее и всестороннее поведать читателю о профессоре Будрине, но и снять вопрос о дате его кончины, так как удалось установить, что скончался Евлампий Андреевич Будрин 3 марта 1919 года.

Пока остается неясным место его упокоения, но, Бог даст, и это будет установлено. А дату и год кончины Е.А.Будрина удалось установить благодаря Ольге Викторовне Троепольской, внучке профессора Казанской духовной академии Ивана Михайловича Покровского, семья которого поддерживала тесные связи с профессорами академии, не только живущими в Казани, но и выехавшими за его пределы. В архиве семьи профессора Покровского сохранилась фотография Евлампия Андреевича Будрина, на обратную сторону которой рукой жены И.М.Покровского Веры Игнатьевны занесена запись – умер 3 марта 1919 года.

Аналогичная запись имеется и в адрес-календаре Казани за 1910 год, где в разделе адресов жителей города у фамилий профессуры академии имеются записи о времени их кончины. И там против фамилии Будрина стоит дата – 3 марта 1919 года.

Вся переписка И.М.Покровского, к сожалению, была изъята КГБ, когда его пытались обвинить в контрреволюционной деятельности, и затерялась. Именно она помогла бы установить, как протекали годы жизни Евлампия Андреевича Будрина после отъезда из Казани.

Таким был казанский период жизни яркого ученого-самородка, вышедшего из простой семьи священника.

Все дома, стоявшие под горой Ново-Горшечной улицы (ныне улица Бутлерова) до поворота у Казанской финансовой академии в сторону горы

были снесены в 1979 году. Первый этаж флигеля, принадлежавшего Е.А.Будрину, был настолько крепок, что его не смог сломать даже тяжелый многотонный бульдозер. Поэтому его пришлось засыпать землей, удлинив гору. На вершине горы установлен теперь памятник Муллануру Вахитову.

Нет Казанской духовной академии, нет тех домов, где жил профессор Евлампий Андреевич Будрин, но пусть сохранится память о нем в сердцах потомков.

Опубликовано:

Православный собеседник. – 2005. – Вып. 2(10). – С. 36–48.